

Г. А. КЛИМОВ

К ЛИТОВСКОМУ *DUŪLAS*

Среди древнейших индоевропейско-картвельских лексических параллелизмов, число которых все более возрастает с ходом исследований, обращает на себя внимание группа лексем довольно отчетливой культурной окраски, позволяющей предполагать как правило индоевропейский источник. В одних случаях существует возможность сопоставить картвельские слова с их общеиндоевропейскими эквивалентами, в других — с их индоевропейскими „диалектными“ аналогиями. К числу последних, по-видимому, относятся и картвельские обозначения безрогого скота, обнаруживающие странную близость к соответствующим балтийским формам, представленным лит. *duŭlas* ‘безрогий’ (ср. также *duŭlis*, *-ė* ‘безрогий бык, корова’) и лтш. *duŭļš* ‘безрогий’ (ср.: *duŭlis*, *-ė*)¹.

В виду имеется грузинско-занское **dola-* ‘безрогий’ (слово, по всей вероятности, отсутствует в сванском языке), современными продолжениями которого являются груз. *dola-* и мегр. *dulu-* (>*ṭulu-*). Давность бытования лексемы на картвельской почве не вызывает сомнений. Так, в грузинском она налицо как в западных диалектах, напр. в гурийском, так и в восточных — пшавском, хевсурском и др. (ср. также производные гурийск. *dulia-* ‘бык со сломанными рогами’ и месхск. *dolok̄a-* ‘короткие рога крупного скота’, содержащие известные словообразовательные элементы *-ia* и *-(i)k̄a*)². О том же свидетельствует и фиксация слова в „Толковом словаре грузинского языка“, принадлежащем перу грузинского лексикографа XVII—XVIII вв. Сулхана Саба Орбелиани и изобилующем древнегрузинскими глоссами³. Однако еще более существенно то обстоятельство, что грузинские и мегрельские формы обнаруживают закономерное фонетическое соотношение, позволяющее реконструировать для них единый архетип **dola-*, поскольку для генетически общих грузинско-занских лексем атрибутивной семантики в мегрельском в

¹ Сабалаяускас А. Из истории терминологии животноводства в балтийских языках. Названия безрогого скота // Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964. С. 61.

² Глонти А. А. Словарь грузинских народных говоров. Тбилиси, 1984. С. 209, 210, 214 (на груз. яз.).

³ Орбелиани, Сулхан Саба. Сочинения. IV₁. Тбилиси, 1965. С. 226 (на груз. яз.).

соответствии с занским передвижением гласных характерен переход древнего ауслатного *a* в *o*, которое в соседстве с *l* сдвигается в *u* (для последнего сдвига ср., напр., мегр. *yalu* 'ручей, овраг' при груз. *yelo-* 'овраг, балка', предполагающие историческое груз.-зан. **yelo-*). Между тем, грузинско-занская лексема стоит в картвельском корне-слове изолированно и не имеет картвельской этимологии. Отсутствие ее аналога в сванском языке не позволяет проецировать лексему в общекартвельское состояние, чего, впрочем, и можно было ожидать в условиях возможной несформированности имени прилагательного на этом уровне. Несомненный культурный оттенок слова, равно как и нехарактерный для исконно картвельского материала вокализм *o*, дают все основания предположить за ним статус заимствования.

Возвращаясь к балтийским фактам, следует отметить отсутствие их однозначной этимологической трактовки в специальной литературе. Так, с одной стороны, допускается, что они могут быть собственно балтийскими инновациями, образованными на базе (Dehnstufe?) глагола *dilti* 'стираться, сниматься, исчезать, проходить', а с другой стороны, не исключается и возможность их усвоения из прибалтийско-финского источника, в качестве какового называют эст. *tohl* 'мягкое вещество рогов, ногтей'⁴. Не будучи балтистом, автор настоящей заметки не берет на себя смелости отклонить эти альтернативные решения, одно из которых — версия заимствования слова из эстонского — представляется ему наименее вероятной в силу трудностей как фонетического, так и, отчасти, семантического порядка. Вместе с тем ввиду далеко идущей общей близости приведенных картвельских фактов к балтийским (особенно на фоне выявленного в картвельских языках ряда древнейших индоевропейских „диалектизмов“) представляется целесообразным обратить внимание на возможность трактовки первых как старых индоевропеизмов. Поскольку усвоение картвельских слов из позднейшего собственно балтийского источника невероятно, можно допустить, что отмеченный параллелизм отражает какие-то древние индоевропейско-картвельские контакты, ареальные и временные характеристики которых совершенно неясны, но с реальностью которых на современном этапе исследований нельзя не считаться⁵. Естественно, что проблематичность предлагаемого сопоставления была бы существенно снижена в случае обнаружения для него какого-либо промежуточного звена, что подкрепило бы мысль о неслучайности рассмотренного лексического совпадения.

⁴ Сабаляускас А. Там же: Fraenkel E. LEW, S. 111.

⁵ Ср.: Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. II. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984. С. 877 и след.